Текст · 13 апреля 2021, 07:37
Анастасия Ясеницкая, Екатерина Медведева,

«Нам тут пацаны, мужики нужны». Сексизм, домогательства, отказы в продвижении по службе — с чем сталкиваются сотрудницы СК и МВД

Работа в правоохранительных органах считается в России традиционно мужской, тем не менее в Следственном комитете и МВД работают тысячи женщин. «Медиазона» поговорила с бывшими и нынешними сотрудницами ведомств о том, почему на службу предпочитают брать мужчин, как бороться с предвзятостью коллег и какие трудности им приходится преодолевать ради карьеры.

Завышенные требования. «Я работала за весь отдел»

В 25 лет жительница Подмосковья Татьяна Красотина пошла работать в правоохранительные органы — хотела защититься от бывшего мужа-милиционера, который преследовал ее после развода, объясняет она.

«Избивал. Когда мама, царствие ей небесное, вызывала наряд милиции, он просто удостоверение показывал, говорил: "Я сам разберусь, все нормально". Мама говорила: "Смотрите, на ней живого места нет". А они просто разворачивались и уезжали. Так было неоднократно, — вспоминает Татьяна. — Ну, и я решила, что тоже стану сотрудником, дабы противостоять».

В 2005 году Красотина устроилась в тот же батальон вневедомственной охраны на Поклонной горе, в котором служил ее супруг, и проработала там три года. «В итоге его уволили, а я осталась служить. Но я недолго там еще дослужила и сама уволилась. Я добилась своего», — с гордостью говорит она. Спустя некоторое время полицейская восстановилась на службе в районном управлении МВД в подмосковном Наро-Фоминске, где проработала еще 11 лет. В мае 2020 года она окончательно ушла со службы — из-за большой нагрузки, невозможности карьерного роста и подорванного здоровья.

«Я работала водителем и [неофициально] выполняла работу инспектора отдела тылового обеспечения-[1] в полном объеме», — рассказывает Красотина.

Она признается, что хотела получить должность инспектора и повышение в звании, но на это место каждый раз назначали мужчин, иногда менее квалифицированных, чем она. По словам Красотиной, ей часто приходилось исправлять ошибки коллег.

«У нас [однажды] инспектор сказал: "Я девять классов с трудом закончил и то, потому что у меня тетушка жила с директором школы". Вот так человек получил образование средне-специальное, потом очно-заочно высшее юридическое и сразу прыгнул на инспектора», — сетует сотрудница МВД. Она неоднократно просила начальство продвинуть ее по службе, но получала отказы.

«Я говорю, ну давайте вы меня с водителей тогда на старшину, а там уже потом выше. Нет. Говорили: "В тылу нужны пацаны, мужики нужны". А работу

значит всю бумажную выполняю я. Несколько лет так просидев, я решила, что нет, хватит, — объясняет она. — Я в принципе работала за весь отдел, а мужчины у нас на территории были по хозяйственным делам — куда-то там на рынок съездить, что-то купить, куда-то отвезти».

Не хотели брать на работу в московское управление Следственного комитета и Анастасию Гарину, сейчас сотрудницу правозащитной ЛГБТ-группы «Стимул». В 2011 году после окончания юридического вуза она полгода стажировалась в следственном отделе, но не могла получить место следовательницы — руководство не хотело брать на работу женщин. При этом, отмечает правозащитница, отдел, где она стажировалась, «зашивался» из-за нехватки следователей.

После нескольких месяцев безуспешных попыток устроиться Гариной предложили съездить на прием к главе округа. При этом референт[2] рассказал стажерке, что в округе долгое время пустует одно место, которое уже «отчаялись заполнить» из-за «завышенных требований» к соискателю со стороны руководителя межрайонного следственного отдела. Референт посоветовал Гариной перед беседой с главой округа попробовать устроиться на это место, так как ей «терять нечего».

«Еду я туда [к главе округа], по пути захожу к руководителю, который никого не берет. Он мне задает несколько элементарных вопросов по УПК и по уголовному процессу, я на них отвечаю, он говорит, все, зашибись, вы приняты. Я говорю, слушайте, мне сказали, что к вам вообще нельзя устроиться. Он

такой: слушайте, мне пока никто на эти вопросы ни разу не ответил, а я, говорит, совсем дураков брать не хотел».

Гарина рассказывает, что сразу же после собеседования она со свежераспечатанным рапортом о назначении зашла к руководителю округа, который должен был его подписать.

«Я к нему прихожу с этим рапортом и понимаю по его лицу, что последнее, что здесь ждали — это меня трудоустроенную. Он был очень зол. Соответственно, этот рапорт он подписывает, отчитывает меня. За все. Суть его матерной тирады состояла в том, чтобы я не смела к нему приходить, если во время месячных мне нужно будет отпроситься», — рассказывает экс-следовательница, отмечая, что никто никогда не отпрашивался с работы у руководителя округа.

Гарина говорит, что еще одним ярким проявлением сексизма на работе было поведение старших коллег. Однажды, вспоминает она, в отделе появился следователь, которого правозащитница называет «наследием девяностых». «У него даже куртка была, которую сложно было купить за пределами девяностых где-то. Он ходил с кобурой все время, в кобуре у него было оружие», — вспоминает она. Когда следователя поставили перед фактом, что он будет работать в одном кабинете с молодой коллегой, он стал «устраивать скандалы». Несмотря на протесты их все же посадили работать рядом.

«А в итоге, когда у меня был скандал с руководством, он думал, что сейчас я после этого скандала уеду и рапорт напишу на увольнение, а я вернулась, говорю:

"Вот приехала тут в ночь работать, исправлять свои косяки". Он меня почему-то после этого очень зауважал и в качестве проявления уважения начал мне руку жать. После этого мне все начали руку жать», — смеется Гарина.

Однако вскоре она покинула Следственный комитет — после того, как невзлюбивший ее глава округа предупредил, что она пройдет аттестацию[3] только «через его труп».

Точное число женщин в российских правоохранительных органах неизвестно — ни одно из ведомств не ведет открытой статистики. В МВД при этом отмечают, что число женщин в полиции растет. В 2016 году замглавы министерства Игорь Зубов во время пресс-конференции, посвященной итогам премии «Щит и Роза»[4], сказал, что в некоторых подразделениях численность сотрудниц доходит до 30-50%. «На январь 2016 года в подразделениях МВД России проходили службу 167,3 тысячи женщин», — рассказал замминистра. В 2019 году на заседании Госдумы Зубов сообщил, что женщины составляют 30 процентов от общего числа служащих ведомства. Замминистра добавил, что «по числу женщин российское МВД — одна из ведущих полицейских организаций в мире».

По данным ФБР на 2019 год, в США из более чем миллиона полицейских общее число женщин составляет 27%. При этом из всего числа служащих носят звание 697 тысяч полицейских, из них только 13% — женщины. За девять лет ситуация с гендерным балансом в полиции США не изменилась: в 2010 году

число женщин составляло те же 27%. По данным Евростата, в среднем в 2018 году женщин в полиции было 19% из более чем миллиона сотрудников. При этом максимальная их доля была в странах Прибалтики: Литве (39%), Латвии (38%) и Эстонии (35%).

Директор по исследованиям Института проблем правоприменения (ИПП) Кирилл Титаев считает, что за последние 30 лет в органах следствия, дознания и прокуратуры «произошла довольно сильная феминизация». По разным оценкам, число женщин, например, в следствии МВД может достигать 50%. «Традиционно женскими службами» МВД Титаев называет подразделение по делам несовершеннолетних, инспекцию по исполнению административного законодательства, управление по вопросам миграции МВД. Также, по его словам, встречаются женщины-участковые. В СК же профильных подразделений на низовом уровне не существует, но, по данным ученого, женщинам-следовательницам чаще доверяют дела о сексуальном насилии и дела, связанные с покушением на жизнь и безопасность несовершеннолетних.

Титаев объясняет, что сотрудники МВД делятся на аттестованных и неаттестованных. К последним — не имеющим звания и ограниченным в самостоятельном производстве следственных действий — относятся, например, сотрудники тылового обеспечения, часть сотрудников бухгалтерии, кадровая служба. «Там женщины работают достаточно часто», — говорит исследователь. С аттестованными сотрудницами

иная ситуация, отмечает Титаев, и «по службам они представлены неравномерно».

В разговоре с «Медиазоной» некоторые сотрудницы СК и МВД отметили, что женщин часто с неохотой берут на работу из-за опасений, что они уйдут в декрет, а после рождения ребенка не смогут уделять работе достаточно времени. Титаев говорит, что его информантки, которые устраивались на службу в начале 2010-х годов, с такой проблемой не сталкивались — желающих работать в органах в то время было немного.

«Если речь идет про район, где у руководителя стоит очередь потенциальных кандидатов, то, конечно, у юноши больше шансов. Хотя есть такой нарратив, что женщина более стабильный работник. Она с меньшей вероятностью будет искать более теплые места, не будет пытаться перевестись в прокуратуру или пойти в адвокатуру», — отмечает исследователь, уточняя, что оценить распространенность такого убеждения ученые не могут.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Женщине очень тяжело работать, — говорит Татьяна[5], руководительница следственного отдела в ОМВД Калининградской области. — Не дай бог, чтобы у женщины была семья. Мужья не понимают, особенно если сами не работают в полиции, почему жена должна после 19 часов находиться на работе

или почему нужно приходить на работу в субботу, если это выходной день. Мужчина пришел домой — у него все готово: он сытый посюсюкался с детьми и лег спать». Сама она редко видит свою маленькую дочь — ребенка воспитывает ее сестра. Когда Татьяна возвращается домой с работы, обычно дочь уже спит.

«У нас есть женщины с детьми — они вообще не работники. Вот у нас есть женщина с тремя детьми, так она за год работала от силы один месяц, потому что она постоянно была на больничном со всеми этими детьми. И работают в итоге те, у кого нет детей», — объясняет руководительница отдела.

Глава московского межрегионального профсоюза полицейских и Нацгвардии Михаил Пашкин полагает, что у женщины в правоохранительных органах есть шанс «нормально работать», если она сама не будет «придавать себе особый статус» и возьмет за правило отстаивать свои права. По его словам, за год профсоюз принимает в среднем до 600 жалоб и только примерно 30% из них — от женщин. В основном жалуются матери-одиночки, которых ставят работать в ночные смены, хотя трудовым законодательством это запрещено без письменного согласия самой работницы, или назначают дежурство в один и тот же день, что и ее супругу, работающему в другом подразделении, поэтому семье не с кем оставить ребенка.

Кирилл Титаев говорит, что ситуация, когда от женщины требуют быть одновременно матерью, домохозяйкой и полноценным сотрудником — фундаментальная проблема российского общества: «Иногда это решается через специфичную довольно

редкую ситуацию, когда муж берет на себя обязанности домохозяина или основного родителя. Или в ситуациях, когда нет ни детей, ни семьи. До тех пор пока у нас в семье такое гендерное распределение обязанностей это будет оставаться так».

Домогательства. «Все должны были под него стелиться»

В 2018 году крупнейший британский профсоюз госслужащих Unison провел опрос, в котором приняли участие почти 1800 сотрудниц полиции из Англии, Шотландии и Уэльса. Половина из них признались, что за время работы слышали шутки с сексуальным подтекстом, а каждая пятая получала от коллег смс или письма по электронной почте с откровенным содержанием.

Кроме того, треть опрошенных сообщили, что сталкивались с навязчивыми вопросами об их личной жизни. Каждая десятая отмечала, что коллеги продолжали оказывать знаки внимания и звать на свидания даже после того, как женщина дала понять, что ей это неинтересно. Примерно каждую 25-ю сотрудницу принуждали к сексу, а каждая 12-я получала намеки на особое отношение по работе в обмен на сексуальную близость.

В России нет аналогичных исследований, поэтому о случаях домогательств или сексуальном насилии над сотрудницами правоохранительных органов со стороны коллег-мужчин становится известно лишь когда пострадавшие предают их огласке.

Бывшая дознавательница МВД Ирина рассказывает, что столкнулась с сексуальными домогательствами, когда в ее отделе сменился начальник. «Все должны были быть его любовницами, все должны были под него стелиться и слушаться только его, — объясняет она. — У меня на тот момент уже был внушительный срок службы, я привыкла работать с другим руководителем и не готова была совсем уж... Поэтому он мне сказал: "Я не дам тебе служить в полиции". Я спросила: "Что случилось? Я могу перевестись в другой отдел?". А он мне сказал: "Почему я должен тебе помогать? Ты мне что, любовница или сестра?"».

По словам бывшей сотрудницы полиции, начальник предлагал ей вступить с ним в сексуальные отношения, а когда она отказалась, начал выживать ее со службы: «Он не дал мне возможности уйти в другой отдел. Да, я жертва харассмента. Я обращалась в суд, хотела оспорить дисциплинарные взыскания, но везде проиграла. Я в итоге его просто простила и начала другую жизнь, которая мне понравилась больше».

Ирина говорит, что она не первая и не последняя жертва домогательств со стороны ее бывшего начальника: «Просто, может, кто-то как-то шел на попятную, соглашался с его условиями или правилами. Я не готова была. Мне уже было 30 лет, и я уже не в том возрасте, чтобы мне давали указания о том, что мне делать, с кем, когда и сколько раз».

Исследовать, как часто руководители правоохранительных ведомств предлагают сотрудницам вступить в романтические или

сексуальные отношения в обмен на продвижение по карьерной лестнице — невозможно, считает Кирилл Титаев из ИПП: «Все, что мы будем видеть — это яркие конфликтные кейсы. Про такие вещи рассказывают, иногда. Насколько они распространены, насколько это обоснованные рассказы? Может быть, на самом деле, это очень редкие случаи, а может быть — это массовая практика».

Правозащитница Алена Попова говорит, что к ней регулярно обращаются сотрудницы правоохранительных органов, которые рассказывают о домогательствах на службе. «У нас много таких. Там такие истории есть, о которых нужно рассказывать — девчонок запирают в кабинетах и черт-те что там делают», — возмущается она. Однако, по словам Поповой, женщины боятся рассказывать о домогательствах публично — из-за истории бывшей сотрудницы управления МВД по Челябинску Любови Герасимовой.

Осенью 2018 года «Лента.ру» опубликовала текст под заголовком «Ты чего, ему не дала? Что он такой дерганый?». В нем Герасимова, мать четверых детей, рассказала, что ей пришлось уволиться из патрульно-постовой службы из-за домогательств со стороны заместителя командира полка, майора Константина Медведева. Рассказ экс-полицейской также опубликовали «31 канал», «Комсомольская правда», Ura.ru. По словам Герасимовой, начальник постоянно оказывал ей знаки внимания:

«Он сначала меня просто звал к себе в кабинет попить чай, угощал конфетами. А вы же понимаете, что для

человека в погонах то, что говорит начальник, — это приказ, его не обсуждают. Затем он как-то застегнул мне пуговицу на форме и сказал, что я могу ему расстегивать пуговицы не в его кабинете, а другом месте. Я дала ему отпор», — рассказывала бывшая полицейская.

По словам Герасимовой, после отказа майор начал ей мстить: ее отправляли в наряд одну, постоянно придирались, заставляли после операции патрулировать в тяжелой экипировке, перевели в отдаленный райотдел. Условия службы стали настолько невыносимыми, объясняла бывшая сотрудница, что она сама написала рапорт об увольнении. В своих интервью Герасимова утверждала, что женщин в полиции постоянно принуждают к сексу, особенно ради продвижения по службе.

После того, как Любовь Герасимова дала несколько интервью, ее бывший начальник Медведев и управление МВД по Челябинской области подали к ней иски о защите чести и достоинства. В ведомстве сообщили, что провели проверку, в результате которой «факты, изложенные женщиной, не подтвердились». Летом 2019 года Тракторозаводский районный суд Челябинска признал информацию, изложенную в статье Lenta.ru порочащей честь и достоинство полицейского и обязал издание удалить статью. Тогда же Центральный районный суд Челябинска частично удовлетворил иск МВД к Герасимовой, а также «Комсомольской правде» и Ura.ru.

Еще до вынесения решений Герасимова выступила в эфире радио «Комсомольская правда» с извинениями перед МВД, управлением ведомства по области и городу, а также лично бывшим начальником. Экс-полицейская уверяла: она не знала, что общается с журналистами и ее слова опубликуют.

«Более того, часть моих высказываний и рассуждений в статье существенно искажена — а другая часть выдернута из контекста — и им придана вопреки моему волеизъявлению безоговорочно негативная окраска», — говорится в заявлении.

В решении суда указывается, что после этих извинений Медведев заключил с Герасимовой мировое соглашение, и решение вынесли только в части требований к «Ленте.ру». Сама бывшая полицейская отказалась разговаривать с «Медиазоной», сообщив, что она уже «натерпелась» и два года судебных тяжб ее сильно вымотали.

Поначалу же Герасимова объясняла, что рассказать о домогательствах ее побудила история о групповом изнасиловании в уфимском отделе МВД дознавательницы Гульназ Фатхисламовой — дочери командира ОМОН в Башкирии. Тогда задержали начальника ОМВД по Кармаскалинскому району Салавата Галиева, начальника ОМВД по Уфимскому району Эдуарда Матвеева и главу отдела по вопросам миграции Уфимского района Павла Яромчука. Всех троих обвинили в изнасиловании[6] и насильственных действиях[7] сексуального характера группой лиц.

В 2019 году бывших полицейских начальников приговорили к срокам от шести до семи лет,

но апелляционная инстанция оправдала Галиева и Матвеева, а Яромчуку снизила срок до четырех лет колонии.

«Не забывайте о том, что это военизированный коллектив численностью миллион человек, — говорит Титаев. — Тупо по статистике у них должны быть десятки изнасилований в год внутри. Условно говоря, когда коллектив становится достаточно большим, там с неизбежностью будут происходить какие-то события. У вас будут полицейские-самоубийцы, потому что людям вообще свойственно самоубиваться временами. И среди полицейских такие тоже будут. Да, там будут изнасилования на рабочем месте, потому что у нас это такой встречающийся тип сексуального насилия».

Сообщения о харассменте от сотрудниц правоохранительных органов в межрегиональный профсоюз полиции поступают не часто — один-два раза в год, утверждает Пашкин: «Вот одна хотела перевестись — ей командир роты ППС говорит: "пошли на койку", но она пошла не на койку, а в профсоюз, и мы ее перевели [в другой отдел]. Но народ в полиции и Росгвардии настолько запуган, что даже боятся признаться, что до них домогаются».

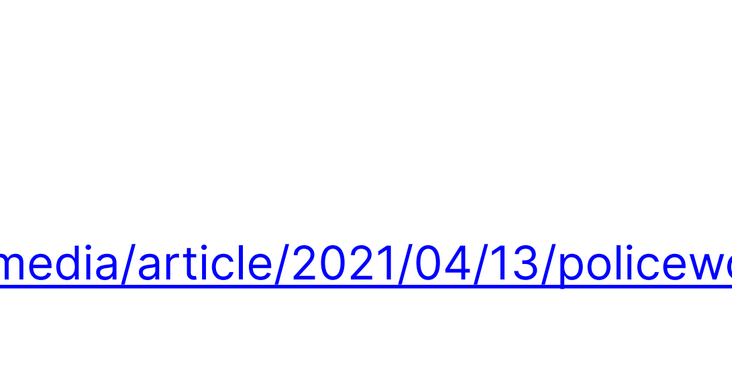

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Стеклянный потолок. «Слишком мягкие, слишком женственные, слишком слезливые»

Женщины в правоохранительных органах могут оказывать положительное влияние на профессиональное сообщество и общую эффективность работы ведомств — они реже применяют чрезмерную физическую силу к задержанным, чаще проявляют сочувствие и эмпатию, считает американская журналистка и профессор права Роза Брукс. В статье на Washington Post она приводит несколько исследований, подтверждающих это.

Так, опрос американского исследовательского центра Pew показал, что женщины-полицейские реже, чем их коллеги-мужчины, считают агрессию более полезной в работе, чем вежливость, реже соглашаются с тем, что некоторых людей можно убедить лишь с помощью физического воздействия, и реже говорят, что работа сделала их бессердечными.

В другом исследовании отмечается, что женщины-офицеры на 27 процентов реже, чем мужчины, «демонстрируют экстремальное контролирующее поведение — угрозы, физическое сдерживание, обыски и задержания» при взаимодействии с гражданами.

При этом, отмечает Брукс, государство не мотивируют женщин устраиваться на работу в правоохранительные органы. «Полицейские академии созданы по образцу военных учебных лагерей и переоценивают физическую силу,

недооценивая коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект», — считает она.

В России оперативная работа в полиции часто рассматривается как исключительно мужская, считает Титаев. «За этим есть некоторое рацио, потому что криминальная среда преимущественно мужская — мужчины совершают гораздо больше преступлений и гораздо сильнее вовлечены в повседневную криминальную активность, — объясняет эксперт. — Представить себе женщину, которая устанавливает стабильные агентурные связи с представителями преступной среды, достаточно сложно. Значительная часть полицейских сил открыто маркируют себя как скорее мужские. Если вы скажете любому полицейскому начальнику, вот вы не взяли женщину опером, вы ее дискриминировали, он рассмеется вам в лицо».

Жительнице Калининградской области Ольге[8] тоже сначала объявили, что в уголовный розыск берут только мужчин, хотя она всегда мечтала быть оперативником. «В итоге мне пришлось на практике проявить себя со всех сторон — ловить и задерживать наравне с мужчинами. Работать до 11-12 вечера, как и они. Я прямо этого очень-очень хотела, поэтому мне несложно было. Я не маленькая, у меня физической силы хватало», — рассказывает полицейская.

Она вспоминает, что изначально ее хотели направить на кабинетную работу, но она запротестовала. «Я сказала: "Я сюда пришла работать, а не бумажки писать". Там коллектив хороший был очень, просто сначала скептически ко мне отнеслись. Я и сама сейчас так отношусь, когда девочек в угрозыск берут,

— признается она. — Таких чтобы прям хотели всю жизнь именно в розыске работать, я только одну еще встречала. А остальные понимают, что уйдут в декрет, что их ждет именно кабинетная работа — ловить преступников они особо не рвутся».

Ольга говорит, что в своем отделе она никогда не сталкивалась с дискриминацией. Наоборот, ее всегда ставили в пример коллегам. «Руководство, если какие-то у меня были проблемы, всегда за меня билось до последнего», — рассказывает она.

«Если бы я в свое время не ушла в декрет, то я на сто процентов уверена, что сейчас занимала бы руководящую должность, — уверяет Ольга. — Потому что даже сейчас, имея ребенка, который болеет и которого надо из садика забирать, мне предлагали не раз такие должности, просто мне этого не надо. Поначалу у меня работа была на первом месте — я и не думала, что замуж выйду. А потом в итоге встречаешь человека, рожаешь ребенка, и все меняется».

В правоохранительных органах «чем выше уровень, тем меньше женщин можно встретить на руководящих должностях», замечает Титаев: «Там есть вполне себе стеклянный потолок, хотя в рамках МВД мы знаем руководителей-женщин в региональных следственных управлениях». Их продвижению в карьере мешает «определенная последовательность фильтров», из-за которых женщин становится меньше с каждым уровнем.

При этом на низовых должностях женщин обычно чуть больше половины, говорит он. В следствии МВД и в СК женщины могут руководить

межмуниципальными, городскими или районными отделами, но на уровне глав региональных управлений они встречаются очень редко. «Если на низовом уровне пропорция где-то условно 50 на 50, то на уровне региональных руководителей — это что-то в районе 10 процентов», — говорит ученый.

Несколько сотрудниц органов внутренних дел, с которыми побеседовала «Медиазона», отметили, что в последнее время все чаще в полицию на «исконно мужские должности» — такие, как участковые или оперативники — стали принимать женщин. Это собеседницы объяснили острым кадровым дефицитом.

Михаил Пашкин отмечает, что в профсоюзе такой тенденции не заметили — по его словам, женщины по-прежнему не очень востребованы в органах в качестве штатных работников, тем более если речь идет о руководящих должностях.

«Вот есть у нас сотрудница ППС в Северном округе — начальники ее боятся, потому что она так себя поставила, — рассказывает глава профсоюза. — Но несмотря на то, что у нее два высших образования, ей не дают офицерское звание, а тех мужчин, кто ни черта не знает вообще, ставят офицерами. Это потому что она боевая: может настроить всех и не боится правду в глаза сказать. К сожалению, у нас такая ситуация, что если ты одно место начальнику лижешь, то тогда ты на повышение идешь. Я, например, даже знаю в Москве начальников, которые не любят брать на работу москвичей, потому что у них тут есть квартиры, родственники — они независимы — и такие тоже не нужны в органах. Да и начальники,

если честно, вообще женщин не любят — любят только красивых и только в других целях».

Глава следственного отдела в ОМВД Татьяна вспоминает, что в 22 года, когда она устраивалась в полицию после юридического факультета, ей сразу сообщили, что ее кандидатура им неинтересна. «Мне прямо так и сказали: "Во-первых, у вас нет опыта. Во-вторых, у вас нет детей. Вы сейчас выйдете замуж, нарожаете детей и будете сидеть в декрете"».

Несмотря на это, она смогла дослужиться до руководящей должности. По ее мнению, женщинам легче работать в следствии, потому что они более усидчивы, трудолюбивы и эмоционально устойчивы, а мужчины «сразу раскисают».

Следовательница отмечает, что на службе ей пришлось привыкнуть к специфической форме общения с коллегами. Она рассказывает, что нередко полицейские требуют от следователей просить суд арестовать человека без достаточных доказательств. «Приходится доказывать, что ты прав. Тебе говорят: "Да пошла ты туда-то растуда-то! Я тебе сказал, значит делай так". И приходится объяснять, что я не пойду туда-то... Я многим словечкам научилась. И могу сказать, что следователи понимают только этот язык. Как только сказал на "русском языке", так все побежали и все сделали», — говорит Татьяна.

Бывшая следовательница Анастасия Гарина считает, что сотрудницы правоохранительных органов, чтобы заслужить уважение на работе, зачастую вынуждены вести себя жестче, чем их коллеги-мужчины, «ведь их постоянно подозревают в том, что

они слишком мягкие, слишком женственные, слишком слезливые». Обращаясь уже к своему правозащитному опыту, Гарина отмечает, что «хамство, грубость, бессердечие» она наблюдала именно у следовательниц: «Самые такие хамские следователи, с которыми мы сталкивались, из четырех четыре были женщинами. Я не вижу здесь стечения обстоятельств».

«Меня молодую, бывало, так старшие товарищи доводили до слез, — вспоминает Татьяна. — Я и сейчас могу расплакаться, когда меня незаслуженно обижают и унижают. А этого, поверьте, очень много. Стоит неимоверных усилий никогда ни при ком не плакать, но у меня такое правило. Зайдешь в кабинет, закроешься, поплачешь — отойдешь и пойдешь работать дальше. Моих слез никто не видел».

Татьяна говорит, что в отделе, где она руководит, нет дискриминации по гендерному признаку — руководители-мужчины общаются с ней на равных, «даже не считают за женщину» и не делают ей поблажек на службе. Она же в отличие от мужчин делает своим подчиненным-девушкам «послабления».

«Там, например, она говорит: "У меня не было другого времени на маникюр записаться — можно уйти?". Прикрываю. Или там в больницу, детей куда-то отвести. Или девочка подбежит: "Там распродажа, а я вот работаю. Можно быстренько сбегаю? Тут недалеко, на часочек". Я не деспот какой-то. Мужчина хрен бы ее отпустил. А мне-то все это понятно. Когда они пойдут? Ночью-то магазины и салоны не

работают. Они же тоже должны быть красивые — они же девочки».

Редактор: Мария Климова

---

1. Структура МВД, которая занимается материально-техническим обеспечением работы полиции, а также связью, транспортом и финансовым обеспечением.
2. В СК референты — это сотрудники отдела кадров, за которыми закреплены межрайонные отделы по округам. Они принимают у соискателей документы и организуют их оформление в штат.
3. Аттестация сотрудников Следственного комитета — это процедура проверки их соответствия замещаемой должности и уровня их квалификации.
4. Премия, которая вручается сотрудницам правоохранительных органов.
5. Имя изменено.
6. Пункт «а» части 2 статьи 131 УК.
7. Пункт «а» части 2 статьи 132 УК.
8. Имя изменено.